

ЛИДИЯ ДАВЫДОВА

ОДНАЖДЫ В ЛИГУРИИ

РЕЦЕПТЫ ГЕДОНИСТА

Кулинария. Есть. Читать. Любить

Лидия Давыдова

**Однажды в Лигурии.
Рецепты гедониста**

«ЭКСМО»

2022

УДК 913(450)+641.55
ББК 26.89(4Ита)+36.997

Давыдова Л.

Однажды в Лигурии. Рецепты гедониста / Л. Давыдова —
«Эксмо», 2022 — (Кулинария. Есть. Читать. Любить)

ISBN 978-5-04-169677-1

Уметь видеть прекрасное в каждом мгновении – великий дар, который мы за пеленой повседневных дел игнорируем. Давно ли вы слушали пение птиц в парке по соседству? А помните, как пахнет лес после дождя? Как морская волна играет отполированной галькой, перекатывая ее как леденцы во рту. Помните, какими красками вчера играл закат? Эти моменты остаются утраченными, хотя именно они делают нашу жизнь полной: уютная мягкость кашемирового шарфа и запах свежесмолотого кофе – в жару он не такой, как в мороз, чай из ЛЮБИМОЙ чашки – это и есть гедонизм. Новый роман Лидии Давыдовой не просто повествование об еще одной героине, что ищет свою судьбу в Италии. Это настоящее руководство к действию, как сделать свою жизнь наполненной силой момента и получать удовольствие от каждого проживаемого дня.

УДК 913(450)+641.55
ББК 26.89(4Ита)+36.997

ISBN 978-5-04-169677-1

© Давыдова Л., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Рецепт супа баньюн (zuppa bagnun)	28
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лидия Давыдова

Однажды в Лигурии. Рецепты гедониста

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Дорогие читатели! Перед вами книга, в которой вы не просто отправитесь к Лигурийскому побережью, а совершите путешествие к тонкому чувству мира.

Моя героиня Саша живет «на автомате»: офис – дом – офис... Ее не покидает ощущение, что реальность сжалась до размеров съемной квартиры. Но рабочая поездка в Италию все меняет. Страница за страницей Саша начинает чувствовать мир на кончиках пальцев.

Именно тогда, когда душа Саши наполняется до краев впечатлениями и выливается через край, происходит ее творческое Возрождение. Ведь то, как мы творим, всегда зависит от того, как мы чувствуем жизнь.

Я надеюсь, что эта история подарит вам несколько часов хорошего настроения.

* * *

«Не приниматься за работу, пока не выпьешь чашечку кофе, шурясь на солнце. Свернуть с привычного маршрута и подойти к цветущему дереву, зарывшись в его ветвях. Потратить целый день, готовя роскошный ужин для друзей по рецепту итальянской синьоры. Новая книга Лидии Давыдовой учит наслаждаться жизнью, не испытывая за это чувства вины. И не важно, где вы –

в лимонной роще на Лигурийском побережье или у себя дома: каждый может придумать для себя личные правила гедонизма».

ВЕРОНИКА КУЗНЕЦОВА,

шеф-редактор журнала ITALIA – Made in Italy

* * *

Памяти моей бабушки Лидии посвящается

Всё было идеально. Нежное розовое небо. Белый парус, приколотый булавкой к морской синеве. Ветерок. Пиния. Белое вино, ставшее розовым в свете уходящего солнца.

– Ты напряжена... в чем дело?

– Я знаю, что за хорошим всегда следует плохое, за радостью – болезнь, за счастьем – несчастье. За всё хорошее придется расплатиться чем-то еще.

– Не знаю, кто внушил тебе этот вздор, я вот только и делаю, что наслаждаюсь жизнью...

Глава 1

За окном горели фонари. Саша, склонив голову и высунув язык, пыхла над анализом рынка. Таблетки от головной боли. Посмотрим. Рынок большой, голова у людей болит частенько. Возраст, социальный статус, география, семейное положение. Матрицы и схемы. Ничего, что она копирайтер и аналитика в ее обязанности не входит. «Наши работники – универсальные солдаты», – любит повторять начальник.

Раздался звонок.

– Ты что, еще в офисе? Мы стоим перед кинотеатром, ждем тебя, – звонкий голос подруги Любы стремительно пронзил ухо и запрыгал внутри мячиком.

Саша хлопнула себя по лбу. Начавшаяся головная боль усилилась.

– Черт, я совсем забыла. Мне тут исследование доделать надо...

– Так ведь пятница!

Саша жалобно посмотрела в окно. В телефоне раздавался смех Любы и общего друга Петьки.

– Простите, ребята, давайте без меня, я отдам деньги за билет.

Саша вернулась к анализу. Между таблиц всплыл образ новой коллеги. Высокая, в белом платье. Начальник сильно хвалил ее сегодня, она тоже копирайтер, но ее сразу вовлекли в стратегию. Саша, между прочим, тоже обладает «стратегическим видением».

– Давай-давай, пока не разучишь мелодию, со стула не встанешь, – прозвучало в голове эхо из детства. Саша брякала по клавишам, а за окном дворовые приятели уже играли в казаки-разбойники.

– Смотри, как Наташа хорошо учится, еще и на танцы успевает, всё потому, что усидчивая.

Пятница, вечер. Саша корпит над презентацией. Первые десять страниц готовы. Саша заваривает чай. Переходит к следующим слайдам. Ровные абзацы, ни миллиметра вправо, ни миллиметра влево, и так три слайда. Четкие таблицы на два слайда. Заглавные буквы, шрифт, как любит начальник: Roboto Slab. Чашка кофе и последние два слайда.

В кровать Саша легла в двенадцать ночи, заснула в начале второго. Ворочалась и перебирала в голове недостающие детали. Завтра надо обязательно закончить.

Яйцо вкрутую. Кофе с молоком. Привычный завтрак. Саша не любила готовить и шла проторенными рецептами. Салат – нарезать помидор, огурец, добавить сметану. Суп – готовая смесь из упаковки. Котлеты из кулинарии на углу.

Позавтракала и начала наводить порядок. Саша наводила порядок каждую субботу. И уборку делала. Тоже по субботам. Семейная традиция, начатая мамой.

Вытерла пыль, сначала тряпка сухая, потом влажная. Пропылесосила. Под диваном – одной насадкой, а там, где просторней, другой. Затем прошлась шваброй. Ванную комнату вымыла быстро, она была крохотной.

Сложила вещи в шкаф, почистила обувь, сходила за покупками. Хлеб, творог, молоко, сметана.

Люба писала сообщения, но Саша делала вид, что ее нет дома. Она сидела за кухонным столом и заканчивала презентацию.

Стол в доме был один. На кухне. В единственной комнате стояли диван-кровать и шкаф. Не то чтобы спать на диване удобно, но она привыкла. Зачем деньги тратить на кровать. Перебьется.

Саша старалась не обращать внимания на веселый субботний гул августовского Питера.

В дверь позвонили.

– Ну и сколько же ты от меня скрываться будешь? – Люба отодвинула легонько Сашу и прошла внутрь. – Вот, держи, купила слойки с яблоками, – протянула пакет она, – в моей любимой итальянской пекарне. Там, правда, они называются не слойки, а как-то по-другому, – подруга задумалась, – сфолья кон чего-то там.

– La sfoglia con la mela, – академическим тоном поправила Саша.

– Ну тебе видней, ты ж лингвист.

– Ой нет, я не буду их.

– А я – да! – заявила Люба и деловито зашла на кухню.

Поставила чайник, выложила слойки на тарелку цветочком и достала две чашки.

– Что у тебя чашки все поколотые какие-то, подарить тебе новые, что ли?

Саша недовольно брякнулась на табурет.

– Я работала вообще-то, – проворчала она.

– Вот скажи мне, дорогая, ради чего ты живешь? – подруга отщипнула кусочек слойки и отправила в рот.

Саша поставила локти на стол и подперла ладонями лицо.

– Ох, опять ты со своими философскими вопросами. Сегодня я живу ради анализа конкурентов, мне надо очень хорошо его сделать.

– Зачем?

Чайник засвистел.

– Потому что, если его не сделаю я, его сделает та новенькая, и у начальника будет веская причина, чтобы меня уволить. По офису ходят слухи о сокращениях.

– Саша, тебе же не нравится твоя работа, говоришь, что тебя тошнит от описания лекарств и что это точно не занятие твоей мечты, – рассуждала Люба, заваривая чай.

– Мечты... не факт, что они приносят счастье.

Подруга неприлично громко втянула в себя чай.

– А работа медицинским копирайтером приносит тебе много счастья?

– Может, счастья и не особо приносит, она мне аренду квартиры приносит. И Кате надо помогать.

Сестра Катя, младше Саши на 17 лет, училась в Варшавском университете. Саша помогала ей платить за квартиру. В Польше цены были не такие уж высокие, и у Саши получалось откладывать кое-какую сумму с каждой своей зарплаты.

– Ну могла бы и подработать твоя Катя, не маленькая уже, – ворчала подруга.

Саша уныло помешивала сахар в чашке.

– Так нельзя, – строго произнесла Люба, – ешь одно и то же, одеваешься в одно и то же, не ходишь с друзьями в кино. Ты вообще довольна своей жизнью?

Саша помотала головой.

– И что, по-твоему, я должна сделать?

Люба подлила Саше чаю.

– Ну хотя бы к психологу сходить, давно тебе предлагала.

– Спасибо, на прошлой неделе ходила, больше не хочется, – нахмурилась Саша.

Через полгода регулярных Любиных уговоров Саша все-таки отправилась к психологу: нашла по рекомендации коллеги. Лысоватый мужчина среднего возраста принимал в неуютном подвальном помещении. Выслушав Сашин монолог о том, что она не чувствует себя счастливой, и задав несколько вопросов, он откинулся на кожаную спинку кресла и тяжело вздохнул.

– М-да, у вас явные проблемы с самооценкой.

Саша робко спросила, как ей быть. Психолог задумался.

– Будем разбираться. Одной сессией тут не обойдешься. Для таких острых хронических ситуаций я рекомендую минимум десять. Ми-ни-мум, – произнес психолог по слогам.

К горлу Саши подкатил комок и внутри больно сжало.

– М-да... надо покопаться, – задумчиво произнес психолог, помечая что-то в блокноте, – хорошенько понять, почему у вас внутри этот раздрай, эта мерзость, которая не позволяет вам жить в гармонии с собой.

Саша потупила глаза, слово «мерзость» легло на грудь чем-то холодным и противным. Раиса Марковна потерла руки и захихикала. Раиса Марковна приходила каждый раз, когда Сашу критиковали или она сама говорила себе гадости. Раиса, в действительности – преподаватель в универе, заходила к Саше начиная с первого курса. В отличие от настоящей Раисы Марковны, тучной женщины с белым шиньоном, та, что приходила к Саше, была маленькой, худенькой, но такой же гадкой.

– И не прикидывайтесь дурочкой, не делайте вид, что вы не знали о причинах вашего «несчастья», – добавил психолог и озвучил тариф за десять сессий.

Саша шумно отпила чай.

– Лучше бы я эти деньги на что-то полезное потратила, например, на новые кроссовки.

– Ха! Так это же сигнал Вселенной! – выкрикнула Люба.

– В смысле?

– Ну ты, обесценивающая себя, встретила психолога, который тебя же и обесценил! Ну не комично?

– Не вижу ничего комичного, и вообще, ничего я себя не обесцениваю, – Саша обиженно надула губы.

Подруга погладила Сашу по руке.

– Ну не куксись, Сашуль, я ж люблю.

– Нормально я живу, – продолжала бубнить Саша себе под нос.

– Хорошо, пусть будет нормально. Просто ты о себе забыла, а так всё хорошо у тебя, brava, как говорят твои любимые итальянцы. Bravissima!

Глава 2

Саша проснулась в так себе настроении. Из зеркала в тесной ванной смотрело помятое лицо. Брови, широкие, правильной формы. Пожалуй, брови Саша любила больше всего. Нос. Чуть вздернутый вверх, остренький, бабушка называла Сашу «лисичкой». Нет, нос не был курносым, но эта излишняя приподнятость доставляла немало проблем в школе, ее постоянно дразнили «нос задрала». Саша была далека от этого описания, она бы и рада задрать иногда нос, но слишком отчетливо звучало в голове «скромность – главное достоинство».

Губы. Губы как губы. Слегка опущенные вниз уголки придавали лицу меланхоличное настроение. И даже если Саша радовалась, всё равно лицо оставалось печальным. Завершал портрет подбородок, такой же, как и нос, остренький, с небольшой ямочкой в центре.

Саша умыла лицо шампунем, у нее был единственный шампунь для всего: волос, рук, лица и тела. Приняла душ, наляпала по-быстрому крем на руки, этот же крем быстро растерла на лице. Весь небольшой набор уходовой косметики дарила ей Люба, подбирала по типу кожи. Но из всего набора Саша использовала один крем. Для рук.

Она потеряла вертикальную черточку между бровей. Складка появилась недавно, у Любы такой не было.

– Это межбровка, я ее скребком тру и на ночь пластырем заклеиваю, напрочь исчезла, – деловито разъяснила Люба и подарила Саше такой же скребок Гуаша, который Саша благополучно разбила в первый же день.

Саша натянула серое платье-халат.

– Ты всегда в одном и том же, – дразнила ее Люба.

– Оно не то же, просто цвет похож. Я покупаю всегда сразу пять платьев, пять рубашек, пять пар обуви, чтобы не мучиться потом.

– Это же так прикольно – выбирать наряды.

– Мне не прикольно, для меня это трата времени.

Саша нырнула в метро. Два подкаста – и она в офисе.

Утром отослала начальнику анализ рынка, поработала над описанием лекарства от тошноты. Саша запустила руки в волосы, пытаясь подобрать альтернативу слову «мутит». Она смотрела в экран компьютера, а видела себя подростком, сидящей у огромного бабушкиного стеллажа с книгами. Эх, с каким бы удовольствием она читала сейчас те любимые тексты...

– Саша, мы идем обедать, а ты?

Она очнулась и посмотрела на часы.

– У меня бутерброды, спасибо.

Из кабинета вышел начальник и попросил зайти.

– Хороший анализ, Саша, ты молодец.

Начальник расстегнул пиджак и, тяжело вздохнув, сел в кресло.

– Извини, угостить особо нечем, разве что могу таблетку дать, если у тебя голова болит.

Саша кисло улыбнулась.

– Пока не болит.

Начальник прокашлялся, сложил руки на груди, посмотрел исподлобья.

– Короче, этот клиент, – он кинул взгляд на таблетки от головной боли, – ушел к конкурентам. – И этот, – показал он в сторону микстуры от кашля. – В общем, надо мне сократить кое-кого, – он опять прокашлялся.

Что-то внутри Саши оборвалось, ладошки вспотели. Начальник виновато спрятал глаза.

– Прости... Уходить можешь уже завтра, я до конца месяца заплачу, ну а там... надеюсь, что ты быстро найдешь работу... Ты хороший копирайтер, просто у нас их три, и я не могу платить трем копирайтерам, к тому же «головная боль» и «кашель» были твоими клиентами.

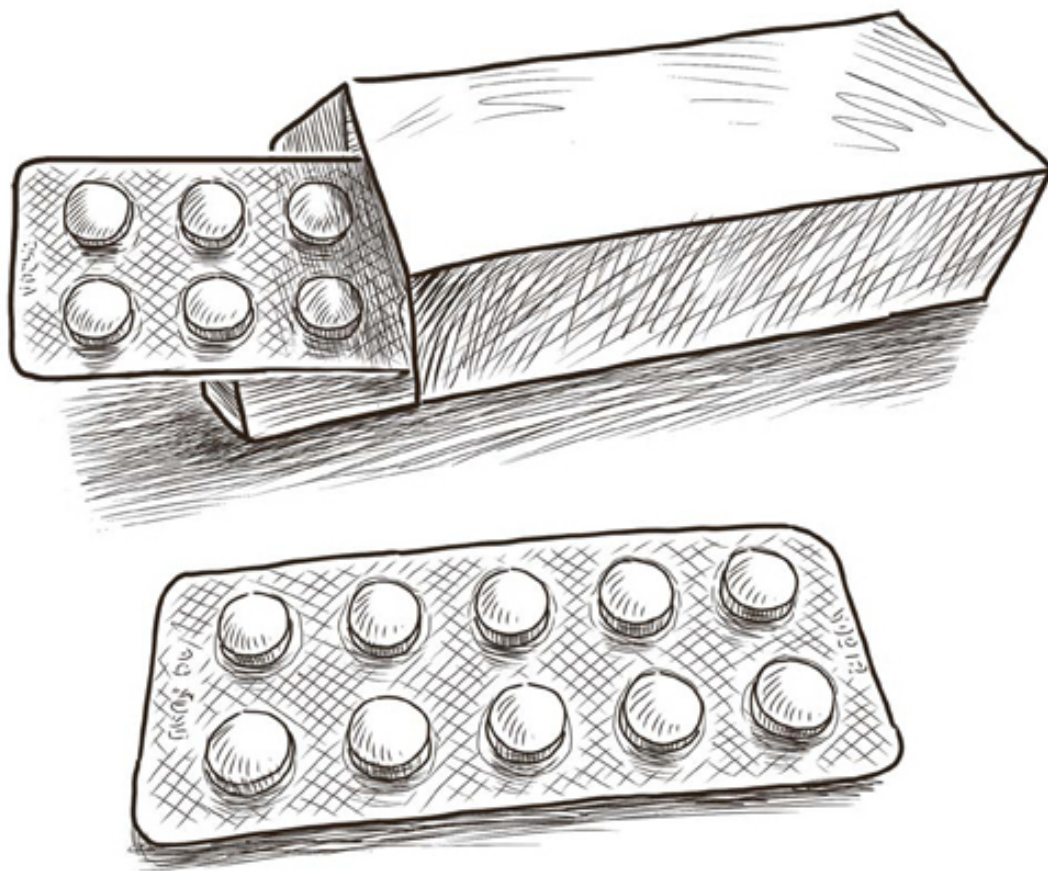
Домой возвращалась пешком, выбрала какую-то дурацкую дорогу через стройку. Старые кроссовки сдавливали, казалось, вот-вот большие пальцы вылезут наружу. Голова раскалывалась. Надо было и правда взять таблеток впрок.

Придя домой, Саша поставила чайник и плюхнулась на кухонный табурет, подарок бывшего, Жени. Времени он ей не особо уделял, слов нежных не говорил, подарков не делал. Забывал поздравить с днем рождения.

– Ничего страшного, – говорила она себе.

Женя ее любил делами. Например, смастерил табурет, твердый и жесткий, но в хозяйстве пригодится. И полку прибил.

– Зато не пьет, – прокомментировала мама, – и вообще, чего ты хочешь, не то чтобы ты была звездой, да и возраст уже как-никак.

Саша стучала пальцами по столу и внимательно смотрела в смартфон на открытое приложение банка. Денег хватит на два месяца аренды, а потом всё.

«Меня уволили», – написала Саша в семейном чате.

Мама тотчас же перезвонила.

– А что ты такого сделала?

Саша постучала по столу сильнее. Вечно обвиняющий назидательный тон.

– Ничего не сделала, клиент ушел, и я попала под сокращение.

– А как же Катя... – пробормотала мама.

То есть, как Саша, никому не интересно.

– Ну найдет себе подработку, не маленькая уже, 19 лет.

– Там же другая страна, она не знает языка, ох, беда. А как же с работой сейчас? Не найдешь ведь так быстро...

– Ладно, мам, как-нибудь разберусь.

Саша вздохнула, взяла с подоконника бабушкину фотографию и нежно погладила. Как бы она хотела сейчас положить ей на колени голову, и чтобы бабушка долго-долго ее гладила, а потом Саша, убаюканная бабушкиными ласками и сказками, легла бы на диван рядом. Бабушка накрыла бы ее мягким покрывалом, потому что во сне, любила повторять она, тело теряет тепло.

Саша сжала в руках бабушкину чашку, сколотую со всех сторон.

Утром проснулась от дикой головной боли. Нос заложило, горло болело. Саша встала, но тотчас легла, по всему телу бегала мелкая дрожь. Холодной змейкой дрожь заползла за ворот рубашки и добралась до пяток. Стало еще холодней...

– Брррр... – Саша забралась под одеяло.

– Психосоматика, – резюмировала Люба, – заеду после работы, привезу тебе бульон. Спи пока.

Саша полезла в сумку, взяла какие-то таблетки, выпила и заснула. Во сне она носилась по длинным комнатам. Добегала до конца, дергала ручку, но дверь оказывалась заперта. Саша стучала кулаками, ногами, но никто не открывал. Она видела поворот, такую же длинную комнату слева. И опять то же самое, она добегала до конца и билась в закрытую дверь. Не хва-

тало воздуха. Запыхавшаяся, она носилась по нескончаемым душным лабиринтам без входа и выхода...

Проснувшись в поту, в дверь кто-то стучал. Она еле поднялась и, шатаясь, направилась в прихожую.

– Ну и лицо у тебя, видно, что совсем плохо. – Люба быстро ринулась в ванную, вымыла руки и начала хлопотать на кухне. – Саш, иди ложись, ты совсем никакая.

Подруга вернулась с тарелкой, подоткнула Саше подушку и начала ее кормить.

– Ложечку за маму...

Саша скривилась.

– Ну ладно, не хочешь за маму, давай за меня.

– Меня уволили. – Саша отпила глоток и поморщилась, очень болело горло. – Я так и знала, дали работу той новенькой, ее взяли, меня уволили.

– А как они это объяснили?

– Сказали, что клиенты, для которых я делала тексты, ушли, и бюджета на мое содержание нет.

Саша запустила руки в короткие волосы и потрясла головой.

– Я вся в долгах, за квартиру этот месяц заплачу, а дальше не знаю, помощи ждать не от кого. Написала друзьям, они у конкурентов работают, ответили, что сами на волоске держатся.

Саша съела еще ложку и поморщилась.

– Дикая боль...

Люба нежно погладила Сашу по голове и посмотрела на нее своими карими бархатными глазами.

У Саши глаза были серыми, и ей всегда казалось, что это самый некрасивый цвет на свете. В детстве у Саши была кукла Катя, немецкая, с белыми волосами, большими карими глазами и милым ротиком. Для Саши Катя была самой красивой на свете, и она несколько раз спрашивала у мамы, можно ли со временем поменять цвет ее глаз на кукурузный.

– Нет, конечно, какой дали, такой и есть. Не самый удачный, но что сделать, – объяснила мама.

– Ты такая красивая, Любаша... – прошептала Саша.

– Сашулечка, и ты красивая... – Люба убрала в хвост свои золотые, нежно струящиеся волосы.

– Нет, я какая-то несурьезная, и вся жизнь моя какая-то сложная, всклокоченная, как мои волосы.

Волосы у Саши и правда торчали в разные стороны.

– А я люблю твою шевелюру, – подруга потрепала ее по голове, – и тебя люблю, моя Сашуля.

Она сильно обняла Сашу, а та, уткнувшись в ее руку, закрыла глаза.

– Что, правда любишь?

Люба вздохнула.

– Знаешь, Саш, самое главное, чтобы ты себя любила...

– А за что мне себя любить?

Подруга округлила глаза.

– Как за что? Я себя люблю просто так. За то, что я – это я. И хвалю себя за каждую ерунду. «Сделала отчет – молодец». «Приготовила суп – умница». «Позаботилась о Саше – герой», – она засмеялась.

Саша пожала плечами.

– Ну я ничего такого не делаю, чтобы меня хвалить. Никем особо не стала, все проекты провалила, и еще уволили.

– Саша, твоя ценность не зависит от твоих достижений. Ты всё время концентрируешься на неудачах, а я даже свои недостатки перевожу в достоинства. Вместо «ты ошиблась» говорю себе «ты сделала всё возможное, презентация прошла хорошо, ты оставила прекрасное впечатление. Ты молодец».

– А если клиента в итоге не получили, какая же ты молодец?

– Вот в этом всё и дело. Ты чувствуешь себя виноватой из-за того, что клиент ушел, а я нет. Это решение клиента, я тут ни при чем. У него может быть куча своих причин.

– Ну знаешь ли, так ты избегаешь ответственности. – Саша легла и натянула одеяло до подбородка, ее знобило.

– Нет, ты делишь ответственность со Вселенной. Мол, я сделала всё, что от меня зависит, а уж как получилось, я не виновата.

– Не, я так не могу, я всегда ответственна за всё.

– Ага, и загрязнение Тихого океана тоже ты, и снег в Риме в марте. О, идея! – встрепенулась Люба. – Сейчас мы устроим с тобой кинотерапию. Поставим итальянский фильм и будем балдеть, а?

– Даже не знаю...

– Ну же, Саша, тебя уволили, у тебя ангина, и даже сейчас ты не можешь позволить себе немного расслабиться?

– Хорошо, – покорно согласилась Саша, – только смотреть будем в оригинале...

– Удовольствие – ничто! Польза – наше всё, – подруга нежно потрепала Сашу по волосам, которые и так стояли торчком.

Глава 3

Саша провалялась в кровати неделю. Спала, пила горячее, старалась, по совету Любы, не принимать таблетки. Подруга принесла несколько новых книг, и Саша, у которой в последний год не было ни минуты прочесть что-то кроме брифов и медицинских анализов, погрузилась в любимый с детства мир образов, метафор и хорошего слога. Как же она любила читать! Каждую неделю бабушка водила ее в библиотеку, и они выбирали книги для чтения. Записаны были в разные, и в ту, что ближе к дому, районную, и ту, что ближе к дому бабушки, и в центре, имени Маяковского.

Самой большой радостью были покупные книги. Иногда бабушка приносила сверток грубой крафтовой бумаги, и Саша заранее понимала, что внутри. Подскакивая, выхватывала сверток, тащила бабушку на диван, забиралась на него с ногами и раскрывала. Внутри оказывалась новая книга. Новая, с запахом типографской краски, твердой обложкой, иногда – с золотым тиснением на корешке, и обязательными иллюстрациями. Чаще красочными, реже – черно-белыми. Перед тем как листать, Саша соскакивала с дивана, шла мыть руки и вновь брала книгу. Сначала нюхала, потом бережно листала страницы – это был целый ритуал, пропустить который было сродни отказу от половины удовольствия.

Удовольствие... ведь когда-то были в ее жизни такие моменты. Куда это всё подевалось?

Они читали книгу вместе с бабушкой, читали медленно, всегда помечая место, где оставались, самодельной закладкой. Картонной полоской с аппликациями. Книги всегда оборачивали в газетную бумагу, чтобы не испачкать, а однажды бабушка даже смастерила обложку из остатков золотой и голубой кожи, оставшейся ей в наследство от отца. Прадедуска Саши был сапожником. Когда книгу дочитывали, ее освобождали от обложки, ставили на полку и заносили в каталог. Саша вела учет с карточками, как в настоящей библиотеке.

Валяясь в кровати и зачитываясь романами, Саша взяла листок и начеркала маленький рассказ.

После работы Люба принесла свежие булочки и опять бульон.

– В последний раз. Вижу, идешь на поправку.

Подруга села рядом с кроватью и начала кормить Сашу.

– Давай я сама. – Саша взяла пиалу, отложила ложку и начала пить.

Люба увидела рядом с Сашей исписанный листок, протянула к нему руку.

– Это что?

– Да так, писала в бреду ерунду разную. – Саша попыталась засмеяться, но издала лишь хрип.

Люба взяла листок и принялась вчитываться.

– Саша, как здорово, это же шедевр!

– Тоже скажешь, шедевр, не преувеличивай, – хмыкнула Саша.

– Да ладно тебе, красиво же очень, – Люба перечитала строки вслух, – так поэтично...

Саша прищурилась.

– Ты спрашивала меня о мечтах?

Саша молча встала, подошла к серванту, достала из верхнего ящика небольшую коричневую тетрадку. Грустно улыбаясь, положила к себе на колени.

– Когда я дочитала всю французенку Саган, то записала в своем дневнике то, как хочу жить. – Саша замолчала.

– Ну и что? Что ты там написала? – торопила Люба.

Саша открыла на первой странице и протянула дневник. Подруга зачитала вслух:

– Я писатель, и я живу у моря.

Люба удивленно посмотрела на Сашу.

– Как видишь, это просто глупые детские мечты, я не писатель и живу не у моря.

Саша замолчала, натянула одеяло и продолжила:

– В детстве я писала стихи, рассказы, и единственная, кому давала их читать, была бабушка... «Талантливая моя кошечка», – говорила она.

Саша села на диван, обхватив ноги.

– Я начала ходить в литературный кружок, учительница хвалила мои рассказы, публиковалась в школьной газете, потом районной, потом городской, потом в литературном журнале, даже выиграла конкурс юного писателя, написала школьную пьесу... А потом...

Саша нахмурилась. Она держала бульон, пытаясь согреться, но он порядком остыл, и Саше стало еще холодней.

– А потом не стало бабушки... И хранитель моего таланта ушел... Я хотела поступать в Литературный институт, но мама сказала, что писатель – не профессия.

«Надо заниматься чем-то, что приносит результат, причем материальный. Нужна конкретная профессия. Пиши себе спокойно после работы и в свободное время», – симитировала Саша мамин голос.

– Я выбрала иняз, потому что это престижней, языки и так далее. Первое время продолжала писать какие-то рассказы, заметки, но потом оставила: не было ни сил, ни времени. А позже улетучилось и желание.

Саша поставила пиалу на тумбочку и легла в кровать.

– Стала рекламным копирайтером. Концепции, слоганы, довольствовалась креативом в рамках брифа. Тексты на английском и итальянском...

– И ни разу не вернулась к писательству?

– Была еще одна попытка в универе. Там был литературный клуб и мы писали разное. Я написала повесть. Помню, это был такой невероятный драйв, я писала, писала, не переставая, несколько недель. Преподаватель литературного мастерства Раиса Марковна прочитала текст и сказала: «Дааа. Это вряд ли можно назвать литературой». – Саша вздохнула. – Ну и всё, я перестала. Хотя каждый раз, когда узнаю, что кто-то из знакомых пишет, публикует роман, у меня щемит очень сильно здесь, – Саша потерла область солнечного сплетения. – А однажды, – продолжила она, – года два назад, мне приснилась бабушка. Она спрашивала, почему не пишу... причем так интересно: она приснилась мне возле картины Модильяни, наша с ней любимая «Девушка в матроске». Помню, я проснулась ночью, взяла тетрадь и исписала тридцать страниц. На следующий день перечитала, и это был готовый сценарий фильма...

– Какого?

– Про любовь Модильяни и Ахматовой, это наша любимая с бабушкой тема.

– Так это же тот фильм, который снимает Алла?

Саша грустно покачала головой.

– Не говори мне, что ты отправила Алле те тридцать страниц... – тихо полуспросила подруга.

Саша тяжело вздохнула. Люба погладила Сашу по руке и вздохнула следом.

* * *

Столкнувшись в кафе с бывшей одноклассницей Аллой и услышав, что та собирается делать кино про Модильяни, Сашины глаза загорелись. Она решила выпить еще один чай.

Уселись у окна, и Алла рассказала про идею и про то, что она собиралась подать заявку в один международный фонд, чтобы получить финансирование.

Саша смотрела на Аллу восхищенными глазами. Прошло девять лет с момента их последней встречи. Алла стала независимым продюсером и создавала международные проекты: разного формата кино и мультипликационные фильмы.

Всё в Алле было красиво. Даже то, как она сидела сейчас. То, как была смята ее салфетка, то, как трогала своими красивыми пальцами чашку. Ее украшения, сочетания цветов ее наряда. Шелковая блузка цвета *Rosa antica*, а под нею грудь точно на два размера больше Сашиной. Наброшенный на плечи серый пиджак в полоску, кожаные брюки с высокой талией такого же цвета, как блузка, модные лоферы. Волосы, идеальные, густые, блестящие, как в рекламе шампуня, были уложены крупными волнами.

– Они у меня от природы такие, – пояснила Алла, – откидывая тяжелые локоны с плеч.

Саша поправила свои коротко стриженные и торчащие в разные стороны волосы и суетливо застегнула кофточку.

На пальцах Аллы блестели тонкие кольца. Сашу всегда восхищало, как некоторые женщины умеют сочетать украшения, – способность, ей самой не свойственная. Тонкое кольцо на Аллином указательном пальце, такие же тонкие на среднем, на безымянном, на большом, и каждое с какой-то мелкой деталью, камушком или цепочкой, соединяющей два соседних кольца. На запястьях браслеты, красная веревочка рядом с чем-то золотым, элегантные фенечки, полужолотые, полукожаные. Всё вместе смотрелось так же идеально, как в глянцево-м журнале.

Идеальным был и парфюм Аллы – цитрусовый, но не бодрый мандариновый, как в Новый год, а ласковый и теплый. Хотелось мгновенно оказаться среди лимонной рощи, кипарисовых аллей и лениво растянуться на разогретом полуденным солнцем средиземноморском побережье.

– Это Eau D’Hadrien, – промурлыкала Алла название парфюма.

Международный продюсер. В стильной одежде. С блестящими волосами и красивой грудью.

Алла рассказала свою идею: она хотела делать детектив про Модильяни. Саша задумалась.

– Хм, не знаю, а я бы снимала про отношения Модильяни с Ахматовой, там же такая любовь невероятная!

И она начала взахлеб рассказывать всё, что знала на эту тему. Она говорила, а в голове мелькали те случаи, когда она листала альбомы и слушала истории от своей любимой бабушки, преподавателя истории искусств. Саша, изголодавшаяся по чему-то творческому, чему-то, где ей позволено выражать свое мнение, нашла в этом сюжете отдушину. Она говорила, а Алла всё записывала и записывала. Позже Саша отправила Алле те ночные страницы.

– А знаешь, что я сделаю, – предложила Саша, – я позвоню Петьке, моему другу, он очень классный художник, поможет тебе для заявки сделать мудборды, покажем идею с точки зрения цветовых решений и образов.

Саша помнит, как вместе с Петей искала образы, а когда Алла пошла на встречу с важным американским продюсером, надиктовывала ей голосовые сообщения-подсказки.

Между бесконечными поисками идей и разговорами Саша открылась Алле, рассказала, как ей надоела работа медицинского копирайтера, как она хочет творить и стать настоящим писателем.

– Со мной всё будет, вот увидишь, как только дадут финансирование, начнешь писать сценарий.

И Саша с еще большим рвением искала образы, детали, чтобы создать настоящий шедевр.

Получилось. Заявку приняли. Финансирование дали. Через пару недель Алла хвасталась и показывала Саше финальную версию заявки. Саша поперхнулась чаем на словах «автор идеи – Алла Кириллова».

На робкие возражения Саши о том, что заявку и план сценария написала она, и в общем-то идея тоже ее, у Аллы некрасиво напрягались скулы.

– Идея ничего не значит. Их отношения – исторический факт. Ну хорошо, ты мне подсказала эту идею, и что? Что ты сделала? Да, ты помогла с презентацией, но всё остальное сделала я, от твоей презентации ничего не осталось.

– То есть как это не осталось... – удивленно хлопала глазами Саша, – я же... мы же... с Петькой...

Саша ни на минуту не могла подумать, что Алла, элегантная особа с милым воркующим голосом и ангельской улыбкой, может поступить с ней так... незелегантно.

– А я разве тебя нанимала? Ты вообще не автор, не писатель, ты просто сказала мне какие-то свои, не факт, что реализуемые, идеи. Кто ты вообще такая? – и повесила трубку.

– Вот так всё это и закончилось...

– Ну ты тоже даешь, – Люба возмущенно покачала головой. – Не подписала ничего, не спросила, не уточнила, сама виновата.

«Сама виновата». Любимая Сашина мантра. Не успокаивало, но зато, произнося эту фразу, Саша чувствовала себя дома.

Глава 4

Выздоровев, Саша вернулась к мыслям о работе. Надо было что-то делать в срочном порядке, потому что денег осталось только на аренду.

Саша искала работу настойчиво и упорно. Она проштудировала все объявления, поговорила со всеми знакомыми, один из них сообщил по секрету, что в агентство, конкурирующее с ее бывшим, требуется копирайтер.

В старом здании недалеко от дома, можно ходить пешком, расположился уютный офис. Сашу встретил креативный директор, обмотанный полосатым желто-коричневым шарфом.

– Это хорошо, что у вас есть опыт работы с «головной болью». Мы сейчас нового клиента взяли, ангину лечат. Нужно полностью переделать описания лекарств, а еще подумать над рекламной кампанией. Вот, держи тестовое задание, сделаешь – приходи.

Выполняя задание за столом кухни, Саша почувствовала, как внутри недавно выздоровевшего горла перекачивается болезненный комок. Чем упорней она старалась подобрать метафоры для описания симптомов, тем сильнее горло сжималось.

После тысячи знаков Саша не могла глотать. Казалось, горло опухло.

«Да что ж такое...»

«Психосоматика», – раздались в голове слова подруги.

Саша встала и вышла на балкон, вдохнула уходящее лето. Оно пронеслось так быстро, ни теплого моря тебе, ни отпуска, ничего не успела. Анализы, брифинги. Саша чувствовала себе уставшей и вялой.

«Бесполезное лето». Саша тяжело вздохнула и пошла спать.

За завтраком Саша попыталась вернуться к текстовому заданию, но горло опять больно сжимало.

«Кто вообще здесь командует?» Саша нервно встала, помыла посуду и села на диван. Открыла фейсбук и начала листать группы разных сообществ и свою ленту.

Неожиданно перед глазами мелькнул пост: «Ищу писателя со знанием итальянского».

Саша поставила лайк и начала вчитываться. Писатель – интересно! Пролистала вниз. Сообщение оказалось от бывшей одноклассницы, много лет назад она переехала жить в Италию.

«Привет, Оля. Увидела твой пост, можешь рассказать подробнее?» – написала Саша в личку.

Одноклассница ответила мгновенно:

«Ciao bella!!! – и поставила три сердечка. – Точно! Как же я о тебе не подумала, ты же только и делала, что писала в школе! Ты сколько книг уже издала? Извини, не особо следила за твоими успехами...»

Саша отхлебнула чай... Вот же, похоже, она ищет настоящего писателя...

«Пока ни одной», – ответила Саша.

«Нооо ты пишешь, да?»

Саша сглотнула. Горло больше не сжимало.

«А что за работа вообще?»

«О, это интересно, давай позвоню прямо здесь, в фейсбуке».

– Надо написать книгу, – сообщила бывшая одноклассница.

– Ого! – вырвалось у Саши, под сердцем защемило.

– Да нет, ничего сложного, там биография одной местной знаменитости. Жилье включено, ну прямо там, в доме у графини.

– Графини?..

– Ну это я так ее называю. Она принадлежит не к аристократической семье, а к одной влиятельной промышленной, но у нее такооооой дом, закачаешься, поэтому зову ее графиней. Хотя на самом деле в Генуе не было титулов, поэтому графов здесь быть точно не может.

– Генуя?..

– Да, здесь она живет. Ну и я тоже здесь живу, помнишь, писала тебе.

Саша, хоть убей, не помнила.

– Книга – ее биография к 80-летию. Так ее сын придумал. Он хочет устроить по этому поводу праздник, она тут важная персона, много чего сделала для города, поддерживает искусство. Платят хорошо. – Оля назвала цифру.

Сумма с лихвой покрыла бы долг, полгода аренды и закрыла бы кучу вопросов.

– Дают задаток, остальное в конце работы, ищут срочно, так что, если тебе интересно, дай мне сразу же знать, а то мне целый день пишут.

– А, ну если пишут...

– Саша, я же тебя знаю, ты же мне все сочинения в школе писала. Я за тебя поручусь, не бойсь!

– А на каком языке?

– Паола, так ее зовут, хотела бы издать в России, она помешана на нашей культуре, у нее даже какие-то наши корни, я не вникала, короче, они хотят издать книгу сразу на двух языках: русский с одной стороны, итальянский – с другой. Но первый черновик можешь писать сразу на русском, Паола знает его в совершенстве.

Писатель... писатель... Пока разговаривала, Саша сгрызла кусок ногтя. Мысли толпились в голове, бубня и толкаясь. Да, была мечта когда-то, ну и что, ведь это ничего не значит, так, баловство. Но как же хочется. Саша глубоко вздохнула... Давно она не испытывала такого сильного желания.

– Мама, я хочу надеть это платье, оно красивое и пышное.

– Нет, это единственное красивое платье, пусть будет на выход.

– Я так хочу этого змея, мама.

– Вечно ты что-то хочешь. Хочется – перехочется.

«Хочется-перехочется» со временем стало любимой поговоркой. Какое бы желание ни посещало ее голову, от высоких сапог бордового цвета до поездки на экзотические острова, она шептала себе как мантру «хочется-перехочется». Мантра помогала, желания и правда куда-то улетучивались, она перестала хотеть сапоги, ездить в путешествия, писать.

«Хочется-перехочется», – привычно подумала Саша и пообещала знакомой подумать.

К удивлению, на следующий день не перехотелось, наоборот, мысль назойливо стучала в дверь, ждала, пока ей откроют. Саша прогнала ее, как игривого щенка, но мысль всё лезла и лезла. Наконец Саша отворила мысли дверь и решила ее выслушать.

– Послушай, – сказала мысль, – ты помнишь свою детскую мечту. Это же она и есть!

– Но я не писатель...

«И правильно, нечего лезть», – бросила Раиса Марковна, она сидела на скамейке и набирала петли спицами точно так же, как реальная Раиса Марковна в универе, когда вела лекции.

– Ты что, с ума сошла – отказыватьсяяяяяя?!!!!

Саша отставила телефон от уха, так сильно кричала подруга Люба.

– Это же Вселенная тебе делает подарок!

– Опять ты со своей Вселенной.

– Ну ты даешь! Это точно твоя бабушка сообщила твоему ангелу-хранителю, что надо делать.

Саша улыбнулась.

– Фантазерка.

– Между прочим, я в это верю.

Саша вышла прогуляться. Она шла без цели и набрела на их любимый с бабушкой парк.

Здесь неподалеку бабушка и жила. Когда ее не стало, квартиру пришлось продать. Родственники не договорились. Новость застала Сашу врасплох, она была уверена, что сможет часто сюда приезжать, а может, даже поселиться. Ей было важно продолжать чувствовать бабушкин дух. Перед продажей Саша собирала вещи. Альбомы по искусству, собрания сочинений Толстого, Пушкина, потрепанные томики Цветаевой и бабушкины тетрадки, исписанные польскими словами. На пенсии бабушка продолжала изучать языки, наверстывая то, что упустила. В школе бабушка превосходно владела немецким, а во время войны так хорошо выучила польский, что ее принимали за свою. Но она поступила в экономический, хотя мечтала работать с языками.

После войны бабушка как-то встретила в автобусе свою учительницу немецкого. Та посмотрела на уже взрослую девушку и сказала: «Подождите, подождите! Вы – та самая девочка, которой давались самые сложные спряжения!»

Саша уселась на деревянную скамеечку у фонтана и стала разглядывать прохожих. «Ты моя талантливая кошечка», – пронеслось в голове. Свои рассказы она всегда показывала сначала бабушке. Та надевала очки, кивала головой, улыбалась и хвалила. «Вот эта метафора хорошо вышла, ты должна писать, у тебя получается...»

Догуляв до дома пешком, Саша поднялась в квартиру, но места себе не находила, ей не сиделось, она слонялась по крохотной комнате из угла в угол. Поправляла книги, смахивала пыль, то брала, то откладывала телефон. Сердце непривычно билось, в животе ныло, Саша чувствовала себя, как в детстве, крадущей сирень в соседском саду. Задержала дыхание, зажмурилась, взяла телефон и написала:

«Я согласна».

«Отлично! Завтра сын Паолы проведет с тобой небольшое собеседование в зуме. Чистая формальность. Не бойсь», – мгновенно ответила Оля.

Саша поправила волосы, убрала торчавшие пряди за уши – пора к парикмахеру, – выпрямила спину и нажала на присланную ссылку. На экране показалось море, затем изображение пошатнулось, мелькнули камни, и связь оборвалась.

Саша нажала на ссылку еще раз. На экране появился загорелый мужчина с голым торсом и пепельными, скорее всего выгоревшими на солнце, волосами.

– Ох, извините, пожалуйста. – Он накинул белоснежную рубашку, и его загар стал еще более очевидным.

– Добрый день, – поприветствовала Саша на итальянском.

– Очень приятно, Александра, так?

Саша кивнула.

– Меня зовут Эдуардо, – он улыбнулся и поправил волосы, – Ольга много о вас говорила. Сказала, что вы очень талантливы и идеально нам подходите.

Саша смущенно опустила глаза. Наверное, она сильно покраснела. Хорошо, что в комнате плохой свет.

– Мы учились вместе в школе, да.

– Ну что же, давайте обсудим условия. Вы знаете, что будете жить с моей мамой, синьорой Паолой?

Саша кивнула, но так робко и неуверенно, что Эдуардо рассмеялся.

– Не волнуйтесь, у моей мамы вилла, у вас будет отдельная спальня, кухня, ванная и даже терраса. Вы были в Генуе?

– К сожалению, нет.

Саша хотела рассмотреть Эдуардо получше, но делала это мельком, стараясь не задерживать взгляд слишком долго. Мягкие и одновременно мужественные черты лица. Интересно, сколько ему лет. Выглядит молодо, но по голосу понятно, что не мальчик.

– Моя мама мечтает издать книгу на русском языке. Ее бабушка была русской... из Санкт-Петербурга, кстати. Мама очень хорошо говорит по-русски, несколько раз была в вашем городе и очень его любит. А раньше она преподавала историю искусств.

Эдуардо разговаривал спокойно, голос его звучал низко и приятно.

– Как интересно! Моя бабушка – тоже.

– Необычное совпадение, – улыбнулся Эдуардо, – вам будет о чем поговорить. Мама много сделала для культуры нашего города, помогла открыть много выставок, художественных салонов.

Эдуардо всё говорил и говорил, а Саша не могла оторваться от его глаз, за время разговора они успели поменять оттенок несколько раз: от сочного, цвета травы, до оливкового, зелено-болотного.

– Не скрою, что нам отправили резюме очень много кандидатов, но у меня совершенно нет времени их все просматривать. Поэтому я попросил Ольгу, она помогает мне с бухгалтерией, заняться отбором. В каком жанре вы специализируетесь?

Саша закрутила край диванного покрывала вокруг пальца так сильно, что ей стало больно.

– Я... много работала в рекламе, и...

– А, ну замечательно, – Эдуардо хлопнул в ладони, – рекламщики умеют сворачивать и разворачивать смыслы, – и улыбнулся. – Так когда вас ждать?

Саша деловито нахмурилась и взяла ежедневник.

– Ммм, а когда вы хотите издать книгу?

– У мамы юбилей через три месяца, 80 лет, мы готовим большой праздник. Хочу, чтобы книга была готова к этому дню. Я понимаю, что три месяца не так уж много... но...

Саша выпрямила спину.

– Не волнуйтесь, я справлюсь, – сказала она неожиданно уверенно, как будто кто-то другой потянул ее за язык.

– Ну что же, прекрасно, тогда до встречи в Лигурии.

Глава 5

Саша, в джинсах, полосатой рубашке и черном пуховике, стояла напротив вокзала. Рядом лежал черный пузатый чемодан, на плечо давила увесистая кожаная торба с компьютером и книгами. В торбу Саша также положила белье, сменную пару обуви, зубную щетку и кое-какую одежду. Саша летала не часто, но каждый раз подстраховывалась: а вдруг чемодан потеряется?

По спине струился ручеек пота, Саша сняла пуховик, в сентябре он оказался здесь ни к чему, и посмотрела на круглые часы вокзала, зажатые между двумя скульптурами крылатых чудовищ. Через десять минут за ней должен приехать водитель «графини».

В центре привокзальной площади стояло что-то вроде киоска. Люди в футболках с короткими рукавами громко разговаривали и пили кофе.

Ровно в одиннадцать за Сашей приехал «Ягуар».

– Добро пожаловать, меня зовут Стефано, – поздоровался седовласый приятный мужчина в сером костюме, водитель «графини».

Машина двигалась не спеша, вдаль замелькали море, порт, открылся стеклянный купол, а дальше – корабельные верфи, яхты, колесо обозрения, набережная с современными конструкциями, дело рук архитектора Ренцо Пьяно, который, к удивлению Саши, оказался генуэзцем.

Стефано пробрался через пробки около порта, свернул куда-то вглубь тихих улиц, и постепенно они оказались среди домов, непохожих на те, что стояли рядом с вокзалом и портом. То были нарядные виллы не выше четырех этажей.

– Добро пожаловать в квартал Альбаро.

Они остановились перед коваными металлическими воротами. Водитель на что-то нажал, и они въехали в сад, густо усаженный пальмами, магнолиями, оливковыми и лимонными деревьями.

Перед Сашей возвышалась трехэтажная розовая вилла с белыми балконами. Белыми были и лепные украшения вокруг окон, и мраморные ступеньки, ведущие ко входу, и уютный портик в несколько колонн в конце лестницы.

Водитель открыл стеклянную, с белыми металлическими вставками, дверь, и они зашли в светлый холл с длинной мраморной лестницей. Саша посмотрела вверх, крыша сверху оказалась стеклянной, поэтому внутрь проникало так много света.

– Синьора Паола занимает верхний этаж. Нижний сдается в аренду, а на первом этаже живет помощница по хозяйству. Лучше воспользоваться лифтом, там вверх крутая узкая лестница, мы не поднимаемся пешком, – водитель показал Саше на кабину лифта.

Лифт был точь-в-точь как из старого фильма. Снаружи кобальтовая сетка, за ней деревянная дверь, внутри диванчик, обтянутый красным бархатом. Стефано закрыл за ними дверцу лифта, нажал на кнопку. Тук-вуммммм. Кабинка пошатнулась и лениво потянулась вверх.

На верхней лестничной площадке оказалась всего одна дверь. Водитель позвонил, им открыла женщина с короткими вьющимися волосами, в синем платье с белоснежными кружевными манжетами.

Саша протянула ей руку и улыбнулась.

– Добрый день, синьора Паола.

Водитель ухмыльнулся, женщина расправила ниточку губ в улыбку.

– Меня зовут Магда, – произнесла она с легким восточноевропейским акцентом, – я покажу вашу комнату, следуйте за мной, – и она свернула в длинный коридор.

Они прошли дверей пять, Магда остановилась около шестой и повернула ключ.

– Какая большая квартира, – пробормотала Саша на русском.

– Да, она вмещает две четырехкомнатные квартиры, – ответила Магда по-русски, повернувшись к Саше. Улыбнулась и добавила: – Я – полька, мое поколение учило русский язык в школе.

Сашино жилище оказалось просторной однокомнатной квартирой. Спальня, кухня, ванная и большая отдельная терраса со столиком и стульчиками.

– Вы пока располагайтесь. Зайду за вами через пятнадцать минут, синьора Паола приглашает вас на обед, – сказала Магда и удалилась.

Саша осмотрелась. Поставила чемодан рядом с широкой двуспальной кроватью. Стены занимали старинные театральные афиши, у окна разместились деревянный письменный стол и обитый кожей стул. Саша распахнула французские окна и оказалась на террасе. Вдалеке сверкала голубая, переливающаяся на солнце, как хвост огромной рыбы, полоска моря. Саша улыбнулась. Три месяца у моря – это же невероятное везение!

Как часто Саше везло? Почти никогда. Привыкшая к мысли «без труда не вытащишь и рыбку из пруда», Саша настороженно относилась к разного вида везениям. Она знала, что за каждым таким подарком судьбы следовало наказание. Попался красавчик – значит, окажется глупым. Повезло с работой – значит, случится что-то со здоровьем. Совершенно недопустимо было думать, что всё может быть и правда хорошо.

Вот и сейчас, всматриваясь в эту блестящую полоску моря, Саша уже боялась: что-то пойдет не так.

– Синьорина, вы готовы? – прервал ее мысли строгий голос Магды.

– Да, да, конечно, только руки помою.

Саша быстро кинулась в ванную с большим окном. Возле умывальника лежала стопка чистых полотенец, шкафчик был уставлен баночками и скляночками, чем-то наполненными.

– Это подарок от синьоры Паолы, наши местные кремы и лосьоны, пользуйтесь на здоровье, – прокомментировала Магда.

Она привела Сашу в просторную комнату, и Саше потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к яркому свету и непривычному для глаз интерьеру.

Мраморный пол устилала мозаика бежевых и песочных тонов. Деревянный потолок такого же цвета заполняли объемные резные цветы, вставленные в одинаковые квадратные рамы. Саше доводилось видеть на потолке лепнину, но деревянные изразцы она видела впервые.

Одну стену гостиной полностью занимал рыжий сервант с зеркальными вставками, сверху донизу уставленный посудой. Чашки всевозможных цветов и форм, тарелки и тарелочки, кувшины и бокалы.

Вдоль остальных стен тянулись старинные комоды и столики с мраморными поверхностями, сплошь уставленные изящными штучками, статуэтками, рамочками, вазочками – серебряными, золотыми, мельхиоровыми, словно огромное гнездо сороки, куда утащили всё самое блестящее. Между штучками лежали толстые альбомы, на одном из них Саша заметила надпись «Эрмитаж».

На стенах висели гобелены и картины в деревянных и тяжелых золоченых рамах. Люстры на потолке не было, зато в каждом углу, на комодах, у дивана, у кресел стояло с десяток светильников, торшеров и ламп.

– Buongiorno, cara (добрый день, дорогая)!

Перед Сашей стояла худощавая и непривычно высокая для итальянки синьора с короткой седой стрижкой, в больших стильных очках. Коралловый костюм с брюками клеш, на шее выделялось яркое кольцо: разноцветные стеклянные треугольники на кожаной веревке. Возраст выдавали лишь руки и несколько глубоких морщин на лице. Паола улыбнулась, обнажив белоснежные зубы. Если Саша когда-то доживет до восьмидесяти лет, она хочет выглядеть именно так.

- Паола, – представилась она и протянула руку, добавив на русском без малейшего акцента: – Замечательно, что ты говоришь по-русски.
- У вас прекрасный русский, – Саша пожала руку Паолы с множеством колец и браслетов.
- Prego (прошу), – мы будем обедать на террасе, – и Паола открыла окно.

По краю просторной террасы стояли горшки с невысокими лимонными и мандариновыми деревцами, какими-то мелкими белыми цветами и ароматными травами в длинном квадратном горшке.

– Мой огород, – улыбнулась Паола, – у нас есть сад, – она показала рукой вниз, – но всё равно я обожаю террасу. Здесь так уютно... – она оторвала листик от растения и протянула его Саше, – а это самый лигурийский запах.

Базилик. Дома он тоже продавался, но Саша никогда его не покупала: к чему он ей, если она не готовит.

Под шатром-навесом стоял накрытый кружевной скатертью стол.

– Садись куда угодно, – махнула Паола рукой, а сама уселась в плетеное кресло-качалку. На ее колени прыгнула белая, без единого пятнышка, кошка с грустными глазами. – Это Матильда, познакомься. Дорогая, мы сейчас будем обедать, иди к себе, – обратилась она к кошке.

Та обиженно спрыгнула и улеглась на расшитую узорами бархатную подушку.

Саша присела на край первого попавшегося стула и выпрямила спину.

– Так ты писатель. – Паола достала из кармана солнцезащитные очки и протерла стекла кружевным платком.

Саша еще больше выпрямила спину.

– Я... до недавнего времени я работала в рекламном агентстве, а до этого – в пиар-отделе, а до этого... я... в общем, текстов я писала правда много.

Саша выпалила всё разом и покраснела. «Глупая, глупая, кому это всё интересно, она просто спросила, не писатель ли ты. А после этих заиканий она тебя сразу же уволит».

Паола внимательно посмотрела на Сашу.

– Я рада, что ты здесь, мне кажется, мы поладим. Ты знаешь, что моя бабушка была русской?

– Да, ваш сын говорил.

– Что-то о своей бабушке я обязательно включу в книгу. – Паола грустно улыбнулась. – Все говорили, что я очень на нее похожа.

– И я... – вырвалось у Саши. И смутившись этой своей откровенности, она поерзала на стуле и добавила: – Я имею в виду, что моя бабушка... она... мы тоже похожи... были. Были похожи...

Магда принесла поднос, над белой фарфоровой супницей парило облако.

– Это наш суп, баньюн. Лигурийский специалитет. Ты любишь супы?

От слова «суп» Саша вздрогнула и вжала голову в плечи. «Ешь давай, я сказала!» – отбивал рикошетом голос мамы. Саша почувствовала вкус ненавистой вареной капусты и поморщилась.

– Я в принципе не особо люблю есть.

Паола опустила очки, удивленно посмотрела на Сашу и улыбнулась.

– Какое грустное заявление. Но ты не волнуйся, это лечится.

Паола съела ложку супа и посмотрела на Сашу. Та ковырнула ложкой оранжевую жидкость с кусочками белого хлеба сверху.

– Ну как?

Саша никогда особо не рефлексировала на тему вкусов, она делила еду на съедобную и несъедобную.

– Нормальный вроде, – Саша пожала плечами.

Паола взглянула на Магду. Та стояла всё это время рядом.

– Сегодня получилось великолепно!

– Анчоусов привезли из Монтероссо, – улыбнулась Магда.

– А, тогда понятно.

Саша ничегошеньки не поняла, но продолжала есть, суп ей понравился, он оказался густым и сытным. Эти анчоусы совсем неплохие, можно даже сказать, вкусные.

– Будем встречаться по вечерам, – произнесла Паола, – я буду рассказывать тебе о своей жизни, а ты записывать. Рекомендую тебе работать по утрам. Мне кажется, но, возможно, я ошибаюсь, что по утрам у тебя больше сил.

Паола откинулась на спинку кресла.

– Я писала книги для студентов, профессоров, но это всё научная литература. Сейчас мне хочется сделать другую книгу... но написать не просто о себе. Хочу дать советы молодым. Ну вот таким, как ты. Написать книгу для жизни... и мне кажется, именно ты сможешь написать ее лучше, чем кто-либо другой.

Саша почувствовала сильное волнение в груди, в последний раз так в нее верили очень давно, и она забыла, как это приятно.

Рецепт супа баньюн (zuppa bagnun)

Ингредиенты:

на 4-х человек

1 кг свежих анчоусов

500 г спелых помидоров

6–12 хлебцев

2 зубчика чеснока

2 стакана белого сухого вина

1 луковица

1 пучок базилика

1 пучок петрушки

8 ложек оливкового масла первого отжима

Поваренная соль

Процесс:

1. Очистите или попросите продавца почистить анчоусов, удалив голову, внутренности, кости и хвост.
2. Нарежьте чеснок, петрушку и лук, выложите их в большую сковороду с маслом и немного припустите.
3. Очистите и крупно измельчите помидоры, добавьте их в сковороду к остальным ингредиентам вместе со стаканом воды.
4. Посолите и варите около 10 минут, влейте вино и варите еще 10 минут.
5. Добавьте анчоусов, осторожно перемешайте, увеличьте огонь и выключите, когда кипение возобновится.
6. Разложите хлебцы по четырем суповым тарелкам, при необходимости раскрошив их, вылейте на них баньюн, дайте постоять пять минут, чтобы хлебцы впитали соус.
7. Посыпьте суп измельченным базиликом и подавайте.

Глава 6

Генуя оказалась контрастной. Внизу, в старом городе, среди улочек «карруджи», она напоминала босоногую пиратку, чумазую и неопрятную. В окна плотно стоящих друг напротив друга домов еле пробивался свет, из окон раздавалась этническая музыка, на крыльцах сидели чернокожие жители и их колоритные жены в разноцветных платках. Рядом играли дети со смешными тугими косичками. Воздух заполняли пряные и жареные запахи вперемешку с чем-то одурманивающим, травяным.

Берег был заключен в опрятную набережную, по которой гуляли мамы с колясками, чинные старушки и пары. Здесь было намного больше итальянцев, чем в темных лабиринтах.

Чем выше, тем Генуя становилась чище, утягивалась в шелка, превращаясь в благородную даму. Узкие темные улочки сменялись широкими аллеями, обшарпанные входы – роскошными парадными, а почерневшие фасады – белоснежной лепниной и старинными фресками великолепных вилл.

Генуя была многоуровневой, попасть вверх можно было пешком, что долго. Или на автобусе, что скучно. Лучше и интересней передвигаться на лифте. Иногда лифты и правда были лифтами, обычной такой кабинкой, которая везла тебя вверх или наоборот. Например, «Шанель», так Магда шутя называла лифт, который отвозил в квартал Кастелетто солидных дам в шляпах после шопинга в нижнем городе.

Иногда лифты летали над морем, вроде *Il Vige* – кабинки, выдуманной Ренцо Пьяно. Две минуты полета захватывали и приезжих, и местных жителей, хотя, конечно, пользовались им в основном туристы. Как и *Zecca-Righi*, королем генуэзских фуникулеров, увозившим выше всех остальных.

Вверх ползли лифты и фуникулеры, вниз тянулись «салите» и «скалинате».

Спускались не просто дорогами, где едут машины, а внутренними тропинками. Спуски, а если идти наоборот, то подъемы, проходили мимо аккуратных палисадников с цветами и

украшенных скульптурой особняков. Сквозь прутья ограждений виднелись уютные балконы с маленькими столиками и кувшины на ступеньках, как бы невзначай там оставленные.

Салите, дорожки, шли между двух каменных стен, из щелей выбивались ростки, сверху ниспадали ветки живой изгороди ухоженных садов. Там, где домов не было, стены лохматились шапками диких зарослей.

Тропинки обычно упирались в площадь или сквер, и позже надо было искать следующий спуск, опять – наклонную дорогу с перилами или лестницу-скалинате.

Саша пробовала, но не сумела сориентироваться в этих многочисленных лестницах, спусках и лифтах, поэтому гуляла в основном по кварталу Альбаро и старому городу. Она пыталась понять суть города, но пока эта суть от нее ускользала. Хотя Саша успела заметить, что жизнь разных кварталов сильно различалась. У каждого был свой уклад, свои места и... люди.

Магда шутила, что Генуя как знатный дом. В домах аристократии хозяева всегда жили на верхних этажах, а прислуга обитала ниже.

День Саши начинался с того, что она заваривала чай – привезла свой из дома, – делала бутерброд и садилась писать. Она записывала всё, что рассказывала Паола с вечера. Ужинала Саша отдельно, но потом приходила с тетрадкой и диктофоном в гостиную, задавала вопросы, записывала, помечала. Обедала Саша тоже у себя, потом садилась за работу.

В тот день около десяти утра в дверь Саши постучали. На пороге стояла Паола. Саша поправила волосы, одернула майку.

– О, синьора Паола, доброе утро!

Глаза цвета лигурийского базилика подчеркивал такой же зеленый костюм.

Паола окинула взглядом комнату Саши. Незастланная кровать, три грязные чашки возле компьютера: Саша проснулась в шесть утра и успела выпить три кофе. Возле чашек валялась упаковка таблеток от головной боли.

Паола нахмурила лоб, но лишь на секунду, тотчас же улыбнулась, появились милые ямочки на щеках.

– Очень вредно дожимать себя до конца, когда пишешь. Собирайся, мы идем гулять!

Саша мгновенно уловила, что это была не просто просьба. Милое, но решительное волеизъявление.

– Жду тебя в саду, cara.

Саша засуетилась. Натянула джинсы, майку, взглянула в зеркало. На майке желтело пятно. Чистых маек не было, поэтому она накинула сверху легкий синий кардиган.

Паола стояла возле изгороди и гладила листья жасмина.

– Скоро осень, жасмин начинает менять цвет, – произнесла она с легкой меланхолией в голосе.

Саша подошла ближе, на ярко-зеленых листьях появились еле заметные красные точки.

– Какая вы внимательная, синьора Паола, я бы такую деталь не заметила.

– Чем внимательней ты будешь, тем интересней будет твоя жизнь, дорогая.

Она нажала на кнопку, справа от входа, и ворота медленно раскрылись.

– Ты не против, если я возьму тебя за руку, будем гулять, как подружки, – она улыбнулась и взяла Сашу под локоть.

Они миновали виллы с садами, больше похожими на городские парки: внутри журчали фонтаны и виднелись ряды пальм, магнолий и заросли олеандров. Лигурийский сентябрь походил на жаркое питерское лето.

Саша и Паола вышли на широкую аллею с элегантными витринами, в которых красовались расшитые вручную ковры, платья в пол и антиквариат. Даже лавка с мороженым была здесь не похожа на те, что в старом городе: здешняя отличалась стильной надписью и интерьером. Они свернули на улицу поуже и скоро оказались на просторной Корсо Италия.

– Если идти в эту сторону, – Паола махнула вправо, – ты попадешь в центр города, но мы идем сюда, – указала Паола в противоположную сторону, – хочу показать тебе одно местечко.

Саша по привычке шла быстро. Паола нажала на ее локоть и остановилась.

– Дорогая, куда ты так летишь? У нас не назначено никакой встречи, кроме как с городом.

А он уже здесь, – она показала рукой вокруг.

Саша старалась замедлить шаг, но давалось ей это сложно, она привыкла ходить быстро.

– Ты суетишься, – нажала Паола на Сашин локоть еще раз, замедлив ее шаг, – так ты не успеешь рассмотреть подробности жизни.

Они прошли ворота с надписью «Теннисный клуб».

– Ты играешь в теннис? Здесь, в Альбаро, несколько теннисных кортов, в этом клубе играет...

– Мама! – услышали они громкий голос.

Паола оглянулась.

– Аморе! Только говорила, что здесь играешь ты.

– Да, вот он я, – перед ними стоял улыбающийся Эдуардо, тот самый, с которым Саша говорила в зуме. Белая майка, короткие шорты, всё та же обворожительная улыбка.

Паола расцеловала Эдуардо в обе щеки.

– Вы знакомы? – повернулась Паола к Саше.

Эдуардо протянул Саше руку.

– Да, конечно, я же проводил с Александрой собеседование. Мама, ты в хороших руках. Уверен, что Саша напишет потрясающую книгу.

Саша потупила глаза. Потрясающую... Сколько ожиданий.

– Как вам Генуя? – Он посмотрел на Сашу своими зеленющими глазами.

– Пока я мало что видела, – тихо произнесла она.

Эдуардо дико ее смутил.

– Мы должны показать вам Геную так, чтобы вы точно в нее влюбились, – он улыбнулся еще очаровательнее, чем прежде. – Что же, мне пора, был рад увидеться.

Он поцеловал Паолу в щеку и помахал Саше рукой.

– Мой мальчик... – Паола нежно посмотрела ему вслед, – Кстати! Тебе надо обязательно провести с ним интервью, ведь он – важная часть моей жизни. Давай присядем.

Они сели на скамейку, в спинку которой был вставлен белый овал и красный крест – флаг Генуи.

– Жаль, что для Эда достойная женщина пока не нашлась. Ты не подумай, я вообще не типичная итальянская мама, – она посмотрела на Сашу прищурившись, – ты же знаешь феномен итальянской мамы?

Саша покачала головой.

– Если в двух словах, мамы очень ревниво относятся к своим сыновьям и считают, что лучшие женщины для них – они сами.

Паола засмеялась.

– А я так не думаю. Ему самому решать. Я бы хотела внуков, бесспорно, пока есть силы их нянчить, – Паола посмотрела вдаль, задумавшись, – мой бедный отец, увы, так и не дождался внука, его не стало раньше, чем я стала мамой. Знаешь, кем был мой отец? – спросила Паола Сашу и, не дождавшись ответа, принялась рассказывать про первую круизную компанию Генуи, основанную ее отцом. Бизнес процветал, отец много инвестировал в недвижимость, затем в искусство, их дом заполняли картины местных, и не только, художников. Мама Паолы тоже любила искусство, поэтому Паола получила художественное образование и, повзрослев, стала коллекционером и меценатом.

– Как твоя головная боль? – внезапно спросила Паола.

Саша удивленно посмотрела на «графиню».

– Я заметила таблетки на твоём столе. Ты часто ею мучаешься?

Саша кивнула.

– Боль всегда хочет тебе что-то сказать, – Паола поднялась, – продолжим наш путь, – и ухватила за Сашину руку.

Корсо Италия шла вдоль моря и привела к церкви. Они спустились вниз и оказались на крохотной набережной в окружении теснившихся друг к другу разноцветных домиков. На пляже валялись старые лодки, в кафе напротив играл тихий джаз.

– Это Бокадассе, когда-то рыбацкая деревушка, сейчас она – часть квартала Альбаро.

Они зашли в кафе. Увидев Паолу, официант подбежал, выпрямился и слегка поклонился.

– Синьора Паола, какая честь. Предпочитаете внутри или снаружи? Что принести? Как всегда?

– Да, да, мы сядем снаружи.

Паоле принесли «кафе лунго», а Саша заказала капучино.

– Дорогая, я хотела бы глянуть, что ты написала, дашь мне прочесть рукопись на днях?

Саша покраснела:

– Я... дело в том, что я... не закончила.

Паола улыбнулась:

– Конечно, прошла всего лишь неделя. Покажешь то, что успела.

Паола отпила кофе.

– Сколько тебе лет, милая?

– Тридцать семь.

– О, в тридцать семь я как раз родила Эдуардо. Ты влюблена? Есть кто-то на примете?

– Нет.

– Думаю, моя книга тебе поможет. Сама увидишь. Тебе нравится здесь? – Она показала на пляж.

– Да, очень мило. Уютная бухта.

Паола замолчала, потягивала кофе и пристально смотрела куда-то вдаль.

Саша перебирала в голове вопросы, которые хотела задать Паоле, чтобы зря не терять время. Она открыла блокнот и уже была готова спросить что-то, как Паола повернулась к ней и произнесла:

– Милая, тебе надо уметь отдыхать. Просто посмотри на горизонт.

Так они сидели молча еще полчаса. Первое время Саша ерзала, тишина ее смущала. Кричали чайки, по пляжу бегали собаки, дул теплый ветер. Саша втягивала морской воздух. Она, привыкшая к северному морю, чувствовала его здесь по-другому. Дома, суровое, оно часто угнетало и давило, а здесь радовало. Саша почувствовала, что головная боль наконец-то отпустила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.